

Глава 3

Если догадка верна, то станет ясно, как быть дальше.

Се Биань и Фань Уцзю обменялись понимающими взглядами. Похоже, оба пришли к одному и тому же выводу. Белое Непостоянство отставил чашу из лotosового листа и повернулся к Цзюцину:

— Пусть поживет пока у тебя. Мы с Уцзю наведаемся к Его Величеству и обо всем расспросим.

— Цзюцин перевел взгляд с одного призрачного посыльного на другого и покладисто кивнул:

— Договорились. Премного благодарен, господа.

— К чему церемонии? Ладно, нам недосуг. В мире живых как раз подошел срок еще у нескольких бедолаг. Надо забрать их, пока они еще тепленькие, сразу после супа матушки Мэн. А дальше — в котел их или на вертел, пусть преисподняя развлекается.

Се Биань взмахнул плакальной вехой и дернул за цепь, увлекая за собой Фань Уцзю. Два призрачных посыльных медленно растаяли в тумане.

Когда Цзюцин вернулся, его крошечную хижину уже вновь укутал потусторонний туман — плотный, серый, скрывающий даже очертания тропинки под ногами. Протяни руку — и пальцев не разглядишь.

Люцзин зажег у входа лампаду с неугасимым огнем, и ее зыбкий, теплый свет вырвал из мглы клочок земли в несколько шагов.

Цзюцин принес за плечами тот самый бамбуковый короб, с которым ушел утром, а в руках бережно держал глубокую тарелку, прикрытую плотным листом желтой ритуальной бумаги. Что там внутри, было не разобрать.

Люцзин, просидевший взаперти весь день, так обрадовался его возвращению, что бросился навстречу, словно ждал близкого человека после долгой разлуки.

Впустив хозяина в дом, он помог ему снять тяжелую ношу. Люцзин заглянул внутрь короба — там действительно лежал массивный тесак, который он усердно точил с самого утра.

Опустив тарелку на стол, Цзюцин отодвинул лампу, придвинул табурет и радушно подозвал гостя:

— Садись скорее, пока не остыло. Налетай!

Люцзин поспешно подошел, сел и убрал желтую бумагу. Из миски повалил ароматный пар. Рис был щедро полит густым соусом, поверх которого аппетитно громоздились мелко нарубленные кусочки мяса.

Но едва Люцзин взгляделся в угощение, как его аппетит мгновенно пропал. Вспомнив, чем именно промышляет Цзюцин в Подземном царстве, он застыл на месте. Как теперь прикажете есть это благоухающее блюдо, которое секунду назад заставляло его рот исходить слюной?

Цзюцин, подпирая щеку ладонью и упершись локтем в стол, с нетерпением ждал его реакции. Заметив, что Люцзин застыл с каменным лицом, он удивленно опустил руку:

— Что не так?

Люцзин нерешительно посмотрел на него, сомневаясь, стоит ли говорить правду. Но Цзюцин, едва встретившись с ним взглядом, тут же все понял и весело прыснул:

— Постой, ты что, решил, будто я приготовил этот рис с человечиной? Ну ты даешь! Не бойся, это угощение я выпросил у молодого господина Хухэ. Ешь спокойно, чистейший продукт.

Несмотря на заверения, на душе у Люцзина все равно остался неприятный осадок. Однако голод не тетка, и пустой желудок быстро взял верх над опасениями.

— Спасибо тебе, брат Цзюцин, — поблагодарил Люцзин и взялся за палочки.

Цзюцин снова подпер подбородок ладонью и лениво протянул:

— Другие призраки болтали, будто к молодому господину Хухэ не подступиться. А по мне так отличный малый. Сколько ни прошу у него еды, всегда без лишних слов делится.

Люцзин молча жевал, но из вежливости решил поддержать разговор:

— А этот господин Хухэ... кто он вообще такой?

Ему смутно помнилось, что вчера Цзюцин уже упоминал это имя.

Цзюцин повернулся к нему. Он уставился на собеседника с неожиданной серьезностью, его глаза подернула потусторонняя дымка:

— Если честно, я и сам толком не знаю. Говорят, они с господином Яньгу держатся как слуга и

хозяин, но на деле Его Величество относится к нему с невероятной теплотой.

"Яньгу относится к Хухэ с теплотой?" — мысленно отметил Люцзин.

— Значит, господин Хухэ не служит в Подземном царстве? — поинтересовался он.

Цзюцин покачал головой:

— Я хоть и мертв уже лет двадцать, а видел его от силы пару раз. Службы у него тут нет. Знаю лишь, что он просто неотлучно следует за господином Яньгу.

Двадцать лет в Подземном царстве — и всего пара встреч? Звучит сомнительно.

Люцзин ненадолго задумался, не решаясь спросить напрямую, но в конце концов осторожно полюбопытствовал:

— И почему этот господин Хухэ окутан такой тайной? По идее, все духи, небожители и демоны перед перерождением должны проходить мимо Реки Забвения. Как же ты умудрился разминуться с ним?

При этих словах Цзюцин удрученно поник, повесив голову:

— Да кто я такой? Обычный торговец похлебкой у Реки Забвения. Разве такие важные господа станут якшаться с мелким призраком вроде меня? Если бы не ты, я бы к его порогу и близко не подошел, не то что дважды за пару дней увидеться!

От этих слов у Люцзина окончательно похолодело внутри. Пришлось признать очевидное: он действительно мертв.

Цзюцин убрал руку от лица и с завистью вздохнул:

— Впрочем, нет худа без добра. Благодаря твоей беде я хоть мельком на господина Хухэ полюбовался. — Закончив фразу, он вдруг глуповато заулыбался собственным мыслям.

Люцзин только рот приоткрыл от изумления. Неужели этот Хухэ настолько хорош собой, что заставляет взрослого парня так глупо млеть?

Заметив ошарашенный взгляд гостя, Цзюцин не стал ничего объяснять. Он лишь поднялся, ободряюще похлопал Люцзина по плечу и добавил:

— Насчет твоих дел я уже поговорил с господами Непостоянства. Они обещали завтра же

расспросить обо всем самого господина Яньгу. А пока поживи у меня, устраивайся поудобнее.

С этими словами он удалился в свой угол.

Что ж, крыша над головой есть, сытный ужин тоже — жаловаться не на что, пусть даже здесь смертельно скучно. К тому же соваться во внешний мир, скрытый за удушливой завесой потустороннего тумана, Люцзину банально не хватало смелости.

Молча доев рис, он решил затаиться и плыть по течению.

Так потянулись дни. Люцзин безвылазно сидел в хижине Цзюцина. Каждое утро он провожал хозяина взглядом, наблюдал, как туман лениво наползает на порог, а к вечеру ждал его возвращения с очередной миской горячей еды.

За это время Люцзин совершенно разленился, живя на всем готовом. Впрочем, безделье его не тяготило.

Каждый раз, когда Цзюцин уходил, Люцзин внимательно наблюдал за окрестностями сквозь щели в двери. Он заметил, что стоит хозяину переступить порог, как плотная завеса тумана постепенно рассеивается. Вокруг расстилалась унылая пустошь — серые камни, заброшенные тропы, леденящее душу безмолвие Подземного царства, но видимость была вполне сносной.

В конце концов Люцзину надоело прятаться. Раз уж он действительно умер, сидением взаперти делу не поможешь. Нужно выбираться наружу и искать ответы. В идеале — встретить Се Бианя или Фань Уцзю, расспросить их как следует и получить хоть какую-то определенность.

Едва Цзюцин скрылся за дверью, Люцзин тенью скользнул следом. Он знал, что тот сначала наведается в лавку «Истинный аромат трупа» за свежим товаром, а уж потом отправится к Реке Забвения варить свою жуткую похлебку.

Люцзин не собирался идти за ним до конца — не хотелось злить хозяина нарушением уговора. Но стоило ему немного отстать, как он потерял Цзюцина из виду.

Вначале все шло гладко, но вдруг Цзюцин ни с того ни с сего обернулся. Испугавшись разоблачения, Люцзин опрометью бросился в лабиринт выветренных скал. Когда же он осторожно выбрался обратно на тропу, призрачного повара и след простыл.

Люцзин растерянно огляделся. Его охватила легкая паника. Вокруг высились лишь нагромождения острых серых валунов да разбегались в разные стороны пыльные, извилистые развилки. Ни души. Куда теперь идти и как выбраться из этого каменного мешка?

Делать было нечего, и он побрел наугад по пологому склону вниз. Время потеряло значение. Постепенно зловещие сумерки Подземного царства над головой начали рассеиваться, уступая

место странному, ровному свечению, а острые скалы сменились густыми зарослями изумрудного бамбука.

Тонкие, тянущиеся к невидимому небу стебли тонули в легкой дымке. Ровная тропинка, выложенная замшелыми плитами, убегала в самую глубь рощи. Мягкий свет пробивался сквозь кроны, рассыпаясь по земле и одежде Люцзина причудливыми золотистыми пятнами.

Это место разительно отличалось от мрачных картин Подземного царства, которые он видел прежде. Легкий ветерок нежно шуршал листвой, наводя на мысли о тихой, чарующей мелодии. В этой уединенной роще царил покой, какого Люцзин не ощущал даже в укрытии Цзюцина.

Спустившись еще ниже, Люцзин приблизился к крутому повороту, где бамбук рос особенно густо, закрывая обзор. Вдруг до его слуха донесся отчетливый, ритмичный шорох.

Звук раздавался размеренно, шаг за шагом — так не мог шуметь ветер.

"Там кто-то есть!"

В груди вспыхнула робкая надежда. Не раздумывая, Люцзин перешел на бег.

Зеленые стебли замелькали по сторонам. Миновав поворот, он замер как вкопанный от неожиданности.

Прямо посреди рощи высился изящный терем, окруженный пылающим морем багровых цветов — тех самых ликорисов, которые Люцзин увидел в день своего пробуждения. Кроваво-красные лепестки мягко покачивались на ветру.

У ворот усадьбы стоял мужчина в белоснежном халате. Повернувшись к незваному гостю вполоборота, он неторопливо мел опавшие листья бамбуковой метлой. Длинные темные волосы струились по плечам, скрывая лицо, но даже в этих простых, размеренных движениях сквозило такое благородство, что Люцзин сразу понял: перед ним незаурядная личность.

На белой ткани его одеяния красовался странный узор — огромный белый лис, замерший в ленивой полудреме. Но стоило Люцзину бросить взгляд на вышитого зверя, как ему показалось, будто узкие, полуприкрытые глаза лисицы смотрят прямо на него, проникая в самую душу.

Мгновение назад гревшие душу надежды сменились липким, безотчетным страхом.

В голове закружился вихрь тревожных мыслей, среди которых отчетливо проступила одна: "Глупец, ты ведь в Подземном царстве! Каким бы величественным ни казался этот незнакомец, он точно не из живых".

Люцзин уже собирался незаметно попятиться назад, как вдруг тяжелые двери терема со скрипом распахнулись. Этот звук заставил его замереть на месте.

Над входом покачивались расписные фонари, а на позолоченной вывеске красовалась каллиграфическая надпись: «Терем Лунного Сияния».

Из распахнутых дверей неторопливо вышел мужчина. Подол его алых одежд плавно колыбался при каждом шаге, движения были исполнены безупречной грации. Он поднял взгляд — и в его глазах блеснул загадочный, манящий свет.

Люцзин никогда не думал, что мужчину можно назвать ослепительно красивым, но сейчас у него просто не находилось слов. Ему всегда казалось, что ярко-красный цвет на мужчинах выглядит кричаще и нелепо, но этот незнакомец опровергал любые правила. Холодные, утонченные черты лица, бледная, словно выточенная из нефрита кожа и этот мимолетный, ленивый взгляд, полный скрытого искушения — все это в сочетании с багряными шелками лишало дара речи.

Но больше всего внимание Люцзина привлек тонкий узор у внешнего уголка его глаза, напоминающий крыло бабочки. В памяти Люцзина мгновенно вспыхнуло смутное воспоминание. Этот образ показался ему до боли знакомым.

Кроваво-красное море цветов, в котором кто-то кружится в безумном танце, напевая старинную песню...

Возможно, кто-то годами всматривался в даль, томясь в ожидании несбыточного будущего. Но для Яньгу это пробуждение было лишь самым началом долгого пути.

Яньгу медленно перевел взгляд на незваного гостя. Когда их глаза встретились, Люцзину показалось, будто он срывается в бездонную пропасть. Это падение завораживало настолько, что он, понимая всю неприличность своего пристального взгляда, не находил в себе сил отвернуться.

Хухэ тем временем аккуратно смел последние листья в кучу. Он давно почуял ауру чужака, но никак не ожидал, что тот сам явится к их порогу. Слегка встряхнув метлу, он развернулся и направился к терему. Легкий шорох его шагов по каменным плитам наконец вывел застывших мужчин из оцепенения.